КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

VALENTIN BARICAULT

L'ESPIONNAGE AU MOYEN ÂGE

PASSÉS COMPOSÉS /
HUMENSIS

2023

ВАЛЕНТИН БАРИКО

ШПИОНАЖ В СРЕДНИЕ ВЕКА

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА
2027

УДК 355.40(091)(4)«10/14»
ББК 67.401.132-1(4)4
Б24

Редактор серии: С. Елагин

Барико, В.

Б23 Шпионаж в Средние века / Валентин Барико; пер. с франц. М. Стениной. — М.: Новое литературное обозрение, 2027. — 208 с. (Серия «Культура повседневности»)

ISBN 978-5-4448-3073-4

Шпионы существовали задолго до Джеймса Бонда — в том числе в Средние века. Королям, военачальникам и городским властям требовалось знать, что замышляет противник, где находится его войско, какие настроения царят в соседнем городе и чему можно верить в потоке слухов и донесений. В. Барико предлагает взглянуть на средневековую историю через эту малоизученную сторону политической жизни. На материале Французского королевства XI–XV веков, а также истории Крестовых походов и итальянских городов он исследует разные звенья сложной системы производства и передачи сведений — не только шпионов, но и послов, гонцов, переводчиков, информаторов и других ее участников. Как собиралась информация и как ее проверяли? Что помогало отличить правдивое сообщение от слуха и дезинформации? И каким образом тайные сведения превращались в политическое решение? В поисках ответов на эти вопросы автор изучает письма, хроники, слухи, секретные записки и дипломатические сообщения — следы того мира, который по понятным причинам стремился оставаться незаметным. Валентин Барико — преподаватель истории, специалист по истории разведки и шпионажа в Средние века.

УДК 355.40(091)(4)«10/14»
ББК 67.401.132-1(4)4

В оформлении обложки использован коллаж по мотивам миниатюры Ж. Коломба из книги «Походы французов в Утремер» С. Мамро. Ок. 1474 г. Национальная библиотека Франции

© Passés composés / Humensis, 2023
Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

© М. Стенина, перевод с французского, 2027
© А. Шевкопляс, дизайн обложки, 2027
© ООО «Новое литературное обозрение», 2027

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности . . . 8

Введение . . . 10

Древнейшая профессия . . . 12

Историки и шпионаж . . . 13

Очертания парадокса . . . 16

По каким источникам изучать этот феномен? . . . 17

Шпионаж или разведка? . . . 20

Часть I. Мыслить и представлять разведку в Средние века

Глава 1. Сказать секрет, высказать невидимое: лексика разведки . . . 24

Процесс создания информации . . . 24

Обозначить разведчиков . . . 26

Формы сообщений . . . 30

От молвы к разведке . . . 34

Глава 2. Шпионаж и разведка у средневековых авторов . . . 38

Античная традиция: пример Вегеция . . . 39

Место разведки и шпионажа в средневековом искусстве войны . . . 42

Разведка у Аль-Харави . . . 45

Сбор сведений в государственном управлении . . . 50

Глава 3. Средневековые представления о мире тайн . . . 56

Быть и казаться: идентичность скрытного человека . . . 56

Информация в ритме повествования . . . 65

Тайное общество, или О правомерности использования шпионов . . . 68

Часть II. Дипломатическая и военная практика в средневековой разведке

Глава 4. Конструирование стратегической памяти в мирное время . . . 76
Принципы дипломатии и функции миротворцев . . . 77
Дипломатическая работа: собирать и организовывать разведданные . . . 81
Глава 5. Узнавать и побеждать . . . 95
Заниматься разведкой, чтобы сохранять преимущество: роль осведомителей . . . 95
Сообщать и доставлять: посыльные . . . 101
Тайное наблюдение и прослушка: шпионы . . . 106

Часть III. Сети официальные и не очень: практики видимого и невидимого в позднем Средневековье

Глава 6. Перо и холст: Филипп де Коммин и тайная дипломатия второй половины XV века . . . 112
Первые шаги дипломатии: Бургундия (1464–1472) . . . 113
«Постоянная резиденция»: Коммин и Людовик XI (1472–1483) . . . 115
Итальянская кампания Карла VIII: Коммин и итальянцы (1494–1495) . . . 120
Глава 7. Владеть информацией и управлять: города и потребность в безопасности . . . 125
Службы городской разведки: пример Италии (XIII–XV века) 126
Владеть информацией и координировать: города в центре информационного цикла . . . 128
Вывести из строя сети противника . . . 135
Глава 8. Значение секретности при Людовике XI . . . 141
Плести паутину: Людовик XI в своих сетях . . . 142
Пресекать сговор: информационная война . . . 145
Наказание заговорщиков . . . 148
Список сокращений . . . 153
Источники . . . 155
Библиография . . . 160
Примечания . . . 170
Указатель имен . . . 198

Мишелю, моему деду

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга стала итогом приключения, начавшегося вот уже много лет назад, в 2014 году. В том году я поступил в исследовательскую магистратуру «Средневековые миры» в университете Сорбонна-Париж IV и начал заниматься историей под руководством Элизабет Крузе-Паван. В первую очередь мне хотелось бы поблагодарить именно ее. Узнав о моем желании изучать шпионаж в Средние века, она посоветовала мне заниматься Филиппом де Коммином, а на следующий год — первыми тремя Крестовыми походами. Я хотел бы выразить ей искреннюю благодарность за доверие, дельные советы и рекомендации, полученные в течение двухлетней работы семинара в библиотеке Бутрюш по утрам в четверг.

Идея подытожить годы исследований в отдельной книге долго была просто мечтой. Три человека позволили претворить ее в реальность. В первую очередь мне хотелось бы поблагодарить Фанни Коэн Моро. Поступившее от нее приглашение поучаствовать в записи подкаста «Страсти медиевистики» позволило мне представить тему исследования большему количеству людей. Без этого выступления книга, возможно, так и не была бы написана. Кроме того, мне хотелось бы выразить сердечную благодарность Жан-Венсану Баккару, одному из главных двигателей этого исследования, который предоставил мне

потрясающую возможность поделиться своим увлечением средневековыми шпионами с широкой аудиторией. Постоянным участием в вычитке текста он оказал мне незаменимую помощь в этом непростом деле, которым оказывается написание книги. Именно его замечания и предложения придали финальной версии литературный флер. Я глубоко признателен Николя Гра-Пайяну, в июне 2019 года открывшему мне двери издательства Passés composés. Своим доверием он, несомненно, сыграл решающую роль для завершения этого проекта.

Я также обязан упомянуть свою семью и друзей, чью поддержку я чувствовал на протяжении всех лет, проведенных в работе над исследованием и подготовкой текста. Отдельную благодарность я испытываю в отношении Шарля и Натана, университетских товарищей, которые помогали как в вычитке текста, так и просто советами. Спасибо коллегам, с которыми мы регулярно были на связи по поводу продвижения книги и по сей день разделяем достойное дело передачи знаний молодым поколениям. Наконец, я хотел бы сказать спасибо Дидье, моему отцу, и моей маме, Доротее, за их поддержку, советы, обратную связь и неоценимую помощь на этапе вычитки текста. У меня нет слов, чтобы выразить свою признательность той, кто вот уже три года присутствует в моей жизни. Именно она изо дня в день сопровождала подготовку рукописи, поддерживая меня во всех трудностях. Я многим ей обязан.

ВВЕДЕНИЕ

Лето 782 года. Франки уже 10 лет ведут ожесточенную войну с саксами. Решающего преимущества нет ни у одной из сторон. Карл Великий, стремясь расширить свои владения на восток, вынужден пресекать любое сопротивление. В 782 году в конфликте происходит поворот, из-за которого Карл и саксы под предводительством Видукинда оказываются по разные стороны баррикад. Королю франков доподлинно известно о народных восстаниях у границ королевства. Через шпионов и информаторов он узнает о продвижении славян по саксонским территориям и подготовке армии Видукинда к новой атаке. Войска франков отправляются в бой. Князь Теодорих «советует послам как можно скорее, с помощью шпионов, узнать о местоположении саксов и их настроениях, чтобы сокрушить их всех разом, если позволит местность. <…> Но за слабой подготовкой следует неудачная битва: саксы берут франков в окружение и почти полностью истребляют»[1].

В описании сражения при Зюнтеле, сделанном Эйнхардом*, показана разобщенность среди франков, что

* Франкский историк VIII–XI веков. Существует предположение, что он был автором второй редакции обширного исторического труда «Анналы королевства франков». — *Прим. ред.*

и вызвало их поражение. Военные события такого рода позволяют нам составить представление о разведывательной практике франков в конце VIII века — в период, когда на Западе растет политический, военный и религиозный авторитет Карла Великого. В расширении территорий франков и христиан в целом ему нет равных. Экспансию можно проследить шаг за шагом, приняв за географический ориентир реки и их притоки в Саксонии. Внутренний ритм саксонских кампаний Карла Великого задает постепенное продвижение на восток через водоемы. Постепенно устанавливается система координат и возникает необходимость изучить территорию, которую предстоит завоевать. В этой связи кажется целесообразным использование шпионов и наблюдателей, которые в преддверии сражений могли бы выполнять тактические задачи, а остальное время посвящать более глубокому изучению границ и территорий, простирающихся все дальше и дальше на восток.

Тему этой книги — шпионаж — можно определить как «деятельность по сбору разведывательных данных»[2]. Относительная емкость этого определения призвана открыть перед нами множество свойственных такой деятельности измерений. Чтобы расширить границы исследования, необходимо тщательнее изучить связанное со шпионажем лексическое поле. Сам термин «разведка» открывает еще больше перспектив, поскольку обозначает как «деятельность по поиску и использованию информации в интересах государства и его вооруженных сил», так и «прошедшую отбор и оценку информацию, предоставляемую клиенту»[3]. Иными словами, такие «сведения», с одной стороны, отсылают к особой практике информирования, с другой — к определенному типу информации. Шпионаж, таким образом, может

рассматриваться наряду с другими практиками, имеющими целью сбор информации из различных областей: экономической, военной, географической, биографической и т. д. Под разведкой, в свою очередь, можно понимать «систему информирования, позволяющую прояснить и структурировать процессы принятия решений»[4].

В свете предварительных размышлений по теме становится ясно, что речь в настоящем исследовании пойдет о шпионаже в Средние века в широком смысле слова. Мы увидим, что изучение шпионажа в эту эпоху требует внимания как к его исполнителям и методам, так и к представлениям, которые складывались об этой практике у ее современников[5].

Древнейшая профессия

Наравне с проституцией шпионаж часто рассматривается как одна из древнейших профессий в мире. Первые упоминания о шпионаже действительно восходят к Ближнему Востоку на рубеже VIII и VII веков до н. э.[6] Сделаем шаг вперед и остановимся на римской Античности, а именно на периоде между провозглашением Республики в 509 году до н. э. и концом правления императора Диоклетиана в 305-м. Хоть мы и не найдем там целенаправленно занимавшихся шпионажем структур и институций, разведка в этот период становится одной из множества политических практик, связанных с искусством правления[7].

Но оставим пока Средние века и обратимся к эпохе Модерна. В этот период государства обретают внутреннюю форму и создают важнейшие дипломатические институты; шпионы теперь занимаются своим делом бок о бок с послами[8]. Впрочем, в этот период фигура шпиона

и шпионаж как таковой обрастают отрицательными коннотациями[9]. Так, например, в восьмом издании «Словаря Французской академии» практика шпионажа связывается с подлостью: «Гнусная это работа — шпионить»[10]. В трактате «О духе законов» (1748)[11] Монтескьё даже утверждает, что использование шпионов — признак беспомощности политической власти. Он показывает, что сила государя заключается в законе, способном обеспечить общественную безопасность и доверительное отношение народа к политической власти. Если последняя прибегает к шпионажу — значит, доверие подорвано. Кроме того, философ говорит, что «шпионаж, может быть, и был бы терпим, если бы шпионами были честные люди». Так, эта деятельность связывается с идеей сокрытия, вероломства, свойственного как словам шпиона, так и словам его отправителя. Поэтому Монтескьё видит в шпионаже политическую практику, губительную для реализации свободы: будучи связанным с тайной и сокрытием, он ведет к преступлению против верности и закона, на которых основан общественный договор между гражданами и политической властью.

Нет сомнений в том, что шпионаж Средним векам был знаком. Однако можно задаться вопросом о том, почему шпионы получают такую репутацию в последующий период. Были ли связанные с этой практикой в Средние века действия и представления настолько негативными, что остались в памяти навсегда?

Историки и шпионаж

В отличие от современности предшествующие эпохи едва ли способствовали изучению разведки историками. В связи с темой разведки в Античности стоит выделить

работу Розы М. Шелдон «Разведка и шпионаж в Древнем Риме» (2009). На продолжительном хронологическом периоде, от начала Республики до отречения императора Диоклетиана, ей удалось показать трансформации разведывательной практики на фоне постоянных изменений в военной и политической областях.

Тема шпионажа в Средние века достаточно рано вызвала интерес зарубежных исследователей и подтолкнула их к подробному изучению использования шпионов в разнообразных географических условиях, снабжая его детализированными хронологиями[12]. Французские исследования в этой области долгое время оставались в стороне. К таким выводам подталкивает знакомство с «Войной в Средние века», написанной Филиппом Контамином в 1980 году. В новом издании 1999 года медиевист цитирует лишь пять статей (написанных англосаксонскими исследователями), так или иначе затрагивающих тему шпионажа и разведки, хотя библиография насчитывает более двух тысяч наименований! По собственному признанию исследователя, вопрос шпионажа в этот период был «оставлен без внимания»[13]. В последнее время, впрочем, вокруг этой темы наблюдается некоторое волнение, связанное с появлением коллективной монографии о разведывательных практиках в Античности и Средневековье под редакцией Эрика Денесе и Патрис Бран[14]. Этот сборник был издан приложением к основному изданию, подписанному также Эриком Денесе и Жаном Дёвом[15], специалистом по вопросам разведки у норманнов[16]. В последние несколько лет франкоязычные исследования в основном сконцентрированы на вопросе обращения информации[17]. Во вступительном слове на одном из коллоквиумов 2002 года, посвященном взаимодействию «общества

и информации», медиевистка Клод Говар подчеркивала, что недавние исторические исследования позволили прояснить связь между информацией и ее использованием, с одной стороны, и политической историей государства в период его становления, с другой. Кроме того, она отмечала, что взгляд историков изменился: информация теперь должна пониматься как основной двигатель социальных связей в Средние века[18]. И тем не менее в опубликованных позднее материалах мы не найдем и следа доклада, касавшегося шпионажа и разведки, хотя эти два вида деятельности сводятся именно к созданию, изменению и передаче информации.

Чем же объясняется недостаток внимания к этой теме среди французских исследователей? Шпионаж является частью англосаксонской культуры — но ведь то же самое можно сказать и о французской. История Франции от битвы при Бувине и «черного кабинета»* до «дела Дрейфуса» пестрит рассказами о шпионах. Некоторые исследователи, интересующиеся современной разведкой, объясняют это различие культурными особенностями, поскольку во французском обществе сохранился скорее отрицательный образ шпиона. Следуя размышлениям Франка Бюленжа, можно сказать, что культура разведки «с одной стороны, связана с действительно существующими среди разведчиков практиками, а с другой — с символическими представлениями, к которым обращаются отдельные люди»[19]. Так, негативный образ шпионажа, на котором мы ранее заостряли внимание в контексте источников эпохи Модерна, мог бы

* Черный кабинет — орган, занимающийся перлюстрацией и дешифровкой почтовой корреспонденции. Во Франции был создан в 1628 году. — *Прим. ред.*

объяснить нерешительность, свойственную историкам при изучении этого феномена.

На сегодняшний день французский историографический ландшафт обогащается новыми исследовательскими стратегиями, открывающими неизвестные ранее перспективы. Хорошим стимулом в этом смысле оказывается чтение диссертации Бенуа Летене, посвященной роли информации в ведении политических дел города Макона в конце XIV — начале XV века. В этой работе подчеркивается решающая роль разведки для городских властей[20]. Од Сирье также опубликовала два текста об использовании шпионов и о разведывательной деятельности в итальянских коммунах XII–XIV веков[21]. Невзирая на географические и хронологические различия, оба исследователя сходятся в главном: шпионаж и разведка в средневековой истории могут быть полноценным сюжетом исследования[22].

Очертания парадокса

В Средние века, как и в любой другой исторический период, разведка предполагает привлечение исполнителей и выработку определенных практик. Но возникает затруднение: если шпионаж — секретное занятие, как сделать видимыми разведывательные действия и самих разведчиков? Как отмечает Жан-Пьер Алем, «связанные со шпионажем дела подобны айсбергу, плавающему в океане истории»[23]: из огромной массы в поле зрения попадает лишь малая часть. В исследовании шпионажа и разведки в эпоху Средневековья изучению конкретных людей и их действий сопутствует общая антропологическая рефлексия о восприятии всего того, что связано с тайной, видимым и невидимым.

Когда изучаешь настолько засекреченную деятельность*, трудно вывести на свет шпионов и их методы[24]. Однако из данного затруднения можно выйти, если попытаться проанализировать это явление на двух уровнях. Во-первых, необходимо обратиться к связанному с секретной деятельностью набору представлений. В Средние века секрет не был диковинкой и имел множество имен[25]. Следовательно, чтобы вывести на свет разведчиков и свойственные им практики, нужно рассматривать вокабуляр и источники, в которых он до нас дошел, в качестве критического материала. И хотя форма секрета со временем изменяется, каждое общество вырабатывает свою собственную вербальную реакцию на использование секрета, хитрости, оккультного и невидимого как такового. Во-вторых, нужно подробно изучить социальный климат, в котором действуют имеющие различные намерения индивиды. Это позволит нам идентифицировать реальных исполнителей, а также описать и объяснить характерные для шпионажа методы и способы действия.

По каким источникам изучать этот феномен?

Самое время вспомнить об одной проблеме: как получить доступ к тайной деятельности, если свидетели не оставляют следов? Как можно догадаться, от нас ускользают сами слова, которыми обмениваются два информатора или шпион и его отправитель, если только они не

* Благодаря первичным данным мы можем очертить контуры «режима видимости» объекта нашего исследования. Это понятие мы заимствуем из географии. См. подробнее статью «Visibilité (régime de)» dans J. Lévy et M. Lussault (dir.), Dictionnaire de la géographie, Paris, Belin, 2013, p. 1091.

были зафиксированы на письме. В нашей памяти еще живы размышления Жозефа Морзеля насчет производства и сохранения средневековых текстов[26]. В конце концов, как такие источники попадают в руки историка? Вот первостепенный вопрос, который, судя по всему, отвечает методологической проблеме, возникающей при изучении источников разведки.

Разведывательная деятельность оставляет историкам только одну зацепку — письменные источники. Они могут принимать разнообразные формы — от хроник и писем до реестров городских поселений. Именно они станут предметом тщательного изучения в попытках найти соразмерные различным разведывательным практикам представления[27]. Имеет ли письменное слово в невидимом мире такой же «авторитет», как в мире видимом? Предметом нашего интереса станет не столько практика письма, сколько взаимосвязь между письменностью, словом и жестом[28]. Поэтому первостепенной задачей окажется внутренняя критика источников; именно она будет первым шагом в изучении практик шпионажа и разведки. Изучение средневековой разведки сопряжено с одним методологическим затруднением. Осознать его помогут два примера.

Первый связан с эпистолярными источниками*, а именно с письмами дипломата Филиппа де Коммина, советника короля Франции Людовика XI. С королевской его корреспонденцию[29] объединяет то, что обе никогда не отправлялись без сургучной печати[30]. Из этого можно

* Этот вид исторического материала стал предметом существенной историографической переоценки, причем это касается писем как эротического, так и дипломатического или политического характера. B. Dumézil et L. Vissière (dir.), Épistolaire politique. I, Gouverner par les lettres, Paris, Presses de l'université Paris-Sorbonne, 2014, pp. 8–9.

заключить, что содержавшаяся в письмах информация носила конфиденциальный характер. К тому же письма были разного формата и могли принимать форму «лаконичных, очень коротких записок, часто без подписи»[31]. Бывало и так, что без подписи их оставлял и сам Коммин — вероятно, чтобы подчеркнуть конфиденциальный характер беседы между основными действующими лицами[32]. Нередко там можно найти приписку «Все ваши письма бросаю в огонь»[33]. Фраза звучит интригующе, поскольку показывает, что конфиденциальность достигалась путем уничтожения улик. Но для нас, историков, это крайне досадно, потому что речь идет об уничтожении одного из источников, по которому можно было бы восстановить внутреннюю кухню производства тайны в ту эпоху. В остальном специалисты достигли согласия: письма следовали нормам, выработанным в трактатах по *ars dictaminis** XII века.

Первые изменения происходят только в позднем Средневековье. Письма выполняют «фатическую» функцию и, воплощая «стремление установить и поддерживать между людьми некий диалог на расстоянии», иллюстрируют определенную практику письма и речи. Протагонисты поддерживали связь через гонца, который тоже мог добавить к письму информацию. Соединяя публичное с приватным, оно наделялось определенной ценностью; чтобы спровоцировать крупный конфликт, ему было достаточно попасть не в те руки. Письмо также свидетельствует о взаимном доверии между получателем и отправителем[34]. Кроме того, как показывает изучение дипломатической переписки Филиппа де Коммина, сама форма источника

* Средневековое искусство составления писем и официальных документов. — *Прим. ред.*

ничуть не менее интересна, чем содержащиеся в нем факты. В ней проявляются механизмы создания тайны в средневековой разведывательной практике.

Второй пример, столь же достойный интереса, как и письма: *cedulae inclusae*[*]. Они хранятся в архивах в виде отрывных листков, прикрепленных к официальным письмам. С их помощью городские власти могли неформально обмениваться сведениями, пользуясь официальными каналами связи. Что представляла собой *cedula inclusa* с практической точки зрения? О многом говорит уже тот факт, что листочки были отрывными, позволяя скрывать неофициальное содержание: если гонец посчитает, что конфиденциальность передаваемого сообщения находится под угрозой, *cedula* можно уничтожить. Именно в них содержалась «чувствительная информация», покрытая завесой тайны. Соответствующее лексическое поле многозначно. Собирающие и распространяющие информацию информаторы часто не называются[35].

Шпионаж или разведка?

Будет благоразумно уведомить читателя о следующем: настоящее издание не будет каталогом различных случаев шпионажа. Это сделало бы его повторением давно известного. Кроме того, как мы уже говорили, «шпионаж» — слишком узкий термин, как, впрочем, и его главное орудие — шпион. Более полная картина требует от нас охватить весь процесс построения информации с помощью разведки. Именно разведка и ее внутреннее устройство станут нашей центральной темой. Географические границы тоже следует сузить. В первую очередь

[*] Букв.: «приложенные записки» (*лат.*). — *Прим. ред.*

мы сосредоточимся на Французском королевстве, хоть в целях сравнения и будем обращаться к другим областям: например, к Востоку, к теме Крестовых походов. Прежде всего нас будут интересовать взаимодействия и столкновения граничащих друг с другом миров. Хронологически эта тема охватывает XI–XV века, поскольку именно из этого периода до нас дошли наиболее богатые и разнообразные источники.

Заниматься историей — значит писать. Составить представление об организации и самовосприятии индивидов и обществ позволяет язык — наш основной ресурс. Поэтому анализ связанной с разведкой лексики представляется необходимым этапом в этой книге. Попутно мы более подробно остановимся на восприятии шпионов и тайны в ту эпоху с теоретической точки зрения, а затем изучим общие представления о тайне и шпионаже.

Конечно, главным предметом нашего размышления останется анализ разведывательных действий. Мы покажем разнообразие разведывательных практик и исполнителей в дипломатических и военных вопросах. В этих главах также будет описана природа действий и приемов, составляющих искусство переговоров и борьбы через призму разведки. Наконец, как мы уже говорили, шпионаж связан с тайной, и кажется важным исследовать и скрытую сторону айсберга: подпольные сети в целом.

Изучать покрытые тьмой сети в свете источников, двигаясь от невидимого к видимому, — одна из первых задач историка, решившего изучать разведывательные практики. Описать эти сети — значит одновременно показать, как их присваивают власти. Мы хотим показать, что тайные, скрытые действия, предпринимаемые в политической сфере, создают социальные связи и поднимают вопросы о том, как на это реагируют высшие круги.